

УДК 316.2

НИКОЛАЙ ГЕНОВ,

профессор Свободного Университета в Берлине, профессор в Школе социальных исследований в Словении

Восточная Европа как лаборатория социальных наук

Аннотация

Социологи столкнулись с большими трудностями при попытке найти адекватные понятия для объяснения изменений в Восточной Европе после 1989 года. Политически привлекательное понятие “транзигция”, или “переход”, оказалось малопродуктивным в научном плане. Оно поверхностно отражает флуктуации в изменениях отдельных обществ. Фешенебельные понятия культурной травмы и цивилизационного дефицита пренебрегают структурными параметрами протекающих процессов. Возвращение к долго пренебрегаемым понятиям общества и общественного развития оказалось неизбежным. Понятие социетальной трансформации стало ведущим при попытке описать, объяснить и в конечном счете прогнозировать изменения. Однако постепенно стало также очевидно, что фокусирование внимания на трансформации отдельных обществ уже не соответствует новой социальной ситуации и потребностям социологии. Место методологического социетализма должен был занять методологический глобализм. Таким образом, статья предлагает пример осуществления теоретического и методологического перехода, концентрирующего исследовательское внимание на условиях, процессах и эффектах четырех глобальных трендов: повышения рациональности организаций, индивидуализации, распространения инструментального активизма и универсализации ценностно-нормативных систем.

Ключевые слова: *транзигция, социетальная трансформация, методологический социетализм, методологический глобализм, глобальные тренды*

Проблема и гипотеза

Восточная Европа появилась как новый геополитический конструкт после Второй мировой войны. В течение нескольких десятилетий территория, в рамках которой доминировал Советский Союз, рассматривалась как определенный мировой регион. Символически он связывался с европей-

ским Вторым миром. Общества в регионе определялись централизованной политической системой, плановой экономикой и партийно-государственной идеологией. Мировой регион Восточной Европы был вполне признан в международных отношениях как интегрированный организацией Варшавского договора и Советом экономической взаимопомощи. Восточная Европа была обособлена в качестве мирового региона и в статистическом плане. Европейская экономическая комиссия ООН осуществляла систематический сбор статистической информации о регионе. Эта информация широко использовалась в международных сравнениях.

Все конвенции и институты, инициированные Союзом, неожиданно быстро для всех в переломном 1989 году лишились смысла. Европейский Второй мир исчез вместе с интегрирующими организациями. Каждое восточноевропейское общество продвигалось в дальнейшем по своей специфической траектории в своих фундаментальных экономических, политических и культурных изменениях. Некоторые бывшие социалистические страны стали членами Европейского Союза и НАТО, другие остались вне этих влиятельных организаций.

Стремительность и мирный характер этих глубоких изменений превратили Восточную Европу в идеальный объект социально-научных наблюдений, описаний и попыток объяснить происходящие там процессы. Несмотря на интенсивность дискуссий по этой проблематике, в ретроспективе можно с удивлением отметить, что они чрезвычайно редко вели к систематическому осмыслению процессов в социально-научных категориях. Вместо этого многочисленные публикации были посвящены развитию нормативных проектов о желаемых целях транзита к демократическим политическим институтам, рыночной экономике и плюралистической культуре. Эти попытки нормативной ориентации процессов были в основном сосредоточены на нескольких центральноевропейских странах и на Российской Федерации. Постепенно интерес к изменениям в Восточной Европе затих, практически не принеся категориальных инноваций.

Однако такая возможность еще существует. Можно отталкиваться от того, что после начала изменений в Восточной Европе центр исследовательского интереса социальных наук сместился весьма далеко от внутриобщественных структур и процессов к глобальным структурам и процессам. Можно только удивляться, почему это существенное теоретическое и методологическое изменение осталось не отрефлектированным в исследованиях по восточноевропейской проблематике. Необходимо последовательно проанализировать это, чтобы осмыслить и продуктивно использовать опыт, накопленный в изучении процессов в Восточной Европе, что и является целью данной статьи. Ведущая гипотеза анализа и аргументации состоит в том, что самое продуктивное объяснение фундаментальных изменений в восточноевропейском регионе должно ориентироваться на процесс приспособления бывших государственно-социалистических обществ к глобальным трендам.

В силу многих обстоятельств детальная проверка этой гипотезы и ее обоснование стали возможны только в последнее время [Genov, 2010], хотя социальное и интеллектуальное развитие вело в этом направлении еще в 1990-х годах [Genov, 1999]. Основная причина этого замедленного категориального развития состоит в том, что традиционно социально-научная теория и эмпирические исследования фокусируются на структуре, функцио-

нировании и развитии отдельных обществ. Однако анализ достижений и безуспешных попыток в исследовании социетальной динамики приводит к отрезвляющим результатам. Он раскрывает ограничения такого подхода и потребность в поиске другого направления развития теории и эмпирических исследований. Это направление — переход от объяснительных схем социетального развития к разработке и использованию понятия глобализации, точнее — понятия глобальных трендов.

Общество в фокусе исследований социальной динамики

Самая традиционная и одновременно самая актуальная проблематика в социальных науках касается движущих сил, процессов и последствий социетальных изменений. Классики социологии сосредоточивали свое внимание на этой проблематике, так как социальные науки возникали в контексте отдельных обществ, и исследовательское внимание естественно сосредоточивалось на акторах, структурах, функциях, дисфункциях и изменениях этих обществ. Каждое новое поколение исследователей открывало новые темы и проблемы для категориального развития и эмпирической работы в этих рамках. Это само по себе не удивительно, так как общества и знание о них изменяются быстро. Нет сомнения, что развитие и применение всех более совершенных понятий социетальных изменений останется одной из основных задач исследователей и в будущем и будет всегда соотноситься с важными дискуссиями об основных категориях социальных наук, которые велись в прошлом.

За два десятилетия до фундаментальных перемен в Восточной Европе ситуация выглядела так, якобы центр предстоящих общественных изменений находится в западной части европейского континента. Наблюдая события нескольких майских дней 1968 года, можно было подумать, что “поздний капитализм” уже обречен стать достоянием истории. Но эта иллюзия быстро рассеялась. Демократические политические институты и рынки еще раз показали, что способны быстро адаптироваться к меняющимся историческим условиям. В левых интеллектуальных кругах осталось, однако, ощущение, что не удалось реализовать уникальные возможности *целостных* изменений западноевропейских обществ. В противовес этому другие западноевропейские интеллектуалы увидели в тех же самых событиях мая 1968 года историческое подтверждение своих идеологических предпочтений в отношении *индивидуалистского либерализма и эволюционных изменений*. На фоне интенсивных дискуссий о политическом значении этих событий как-то в стороне остались те возможности, которые тогда открывались для развития категориального аппарата социальных наук.

Но в ретроспективе можно вернуться к тому факту, что студенческие движения во Франции и Германии происходили под сильным влиянием критической теории общества Франкфуртской школы. Идеи интеллектуалов из этой довольно гетерогенной группы были трансформированы в политические лозунги, воспламенившие студентов на баррикадах в Париже и на бурных демонстрациях в Западном Берлине. Что привлекало студентов в этих идеях? Связано ли как-то с ними ощущение упущенного шанса социальных изменений? Чтобы ответить на эти вопросы, будет логично попытаться еще раз переосмыслить дискуссии, которые подготовили вспышку студенческого протеста в конце 1960-х годов.

Наиболее продуктивно для решения этой задачи кратко проанализировать материалы одного сборника, посвященного актуальным тогда, однако надуманным дебатам о позитивизме в западногерманской социологии. Какими бы ни были интерпретации позитивизма, они практически не имели отношения к интеллектуальным позициям, обсуждаемым в сборнике. Основными оппонентами в дебатах были Теодор В. Адорно в качестве ведущего представителя критической теории общества Франкфуртской школы и Карл Р. Поппер, который был ведущей фигурой того интеллектуального течения, которое в Западной Германии называли критическим рационализмом. Основная идея Адорно состояла в том, что в центр социологической теории и эмпирических исследований надо всегда ставить целостность общества. Эта точка зрения особенно подчеркивалась в контексте методологии изучения общественных изменений. Если вкратце, то в категориальной системе Адорно эта методологическая позиция выражалась в том, что все данные, используемые в социологии, «структурированы взаимозависимостями общественной тотальности» [Adorno, 1969: S.126]. Заключение Адорно состояло в том, что все дискуссии об общественных изменениях должны фокусироваться на изменении общественной тотальности. В противоположность ему, Поппер настаивал на конкретном определении отдельных ситуаций изменения с целью методологически конкретизированного исследования человеческой деятельности, изменяющей специфические социальные конфигурации. Согласно его дефинициям, методологический подход Поппера состоял в том, что, исследуя изменения общества, надо «достаточно полно анализировать *ситуацию* действующих человеческих индивидов» [Popper, 1969: S. 120].

Только на первый взгляд противоречия позиций Адорно и Поппера представляются сосредоточенными на знакомом различии между методологическим холизмом и методологическим индивидуализмом. В действительности же суть дебатов была куда сложнее, так как методологические позиции дискуссионщиков базировались на совершенно разных онтологических допущениях о социальной реальности и общественных изменениях. Представления Адорно частично сформировались под влиянием идей Маркса, за исключением марксистской интерпретации антагонистических структур и процессов в обществе. Адорно настаивал на том, что капиталистическое общество нуждается в изменениях, так как оно чревато глубокими *культурными* противоречиями. Однако он сумел лишь наметить некоторые контуры этих противоречий, поскольку мало внимания уделял структурным параметрам общественных систем. Его концепции общества и общественных изменений оставались на уровне философских представлений об общественной тотальности, не соответствовавших требованиям к реальному методологическому инструментарию для анализа дифференцированных социальных структур и процессов (см.: [Adorno, 1966]).

Методологический индивидуализм Поппера был принципиально связан с другим видением общества и его преобразования и противопоставлялся идее общества как тотальности, как его понимали Платон, Гегель и Маркс, и особенно идее целостного преобразования общества. Поппер был либералом в политическом смысле слова и утверждал, что все попытки подготовить и осуществить такого рода изменения общества заканчивались идеологическим и политическим тоталитаризмом. А тоталитаризм всегда имел своим следствием человеческие жертвы и страдания (см.: [Popper, 1966]). В качест-

ве альтернативы идеи и практике целостного изменения общества либерал Поппер предлагал сосредоточиться на рационально подготовленных и осуществляемых эволюционных улучшениях отдельных социальных ситуаций.

В этом идейном контексте разногласия Адорно и Поппера обсуждались преимущественно на уровне социальной философии. Ни Адорно, ни Поппер не разработали специфических понятий структуры общества или движущих сил изменения обществ. Более того, Поппер рассматривал эту проблематику как надуманную. Для него, как позже для Маргарет Тэтчер, социальная реальность сводилась к человеческому индивиду. Понятие общества для него — это конструкт философов и социологов. В силу всех этих причин идеи двух известных теоретиков и вообще дебаты о позитивизме в немецкой социологии не могли быть ориентиром систематического описания и объяснения фундаментальных общественных изменений в Восточной Европе два десятилетия спустя. Однако эти дебаты могли помочь идентифицировать некоторые парадоксальные характеристики исследования и управления процессами в регионе. Это относится, в первую очередь, к мутациям либерализма в его теоретическом подходе к изменениям восточноевропейских обществ и к управлению этими изменениями.

Констатируя дефицит социально-научного содержания в дебатах о позитивизме в немецкой социологии, можно, однако, ожидать, что понятия, разработанные авторитетным социологом Талкоттом Парсонсом, могут оказаться более эффективными в описании и объяснении фундаментальных изменений обществ Восточной Европы после 1989 года. Эти ожидания, в принципе, вполне реалистичны, так как исследовательский интерес Парсонса к проблемам модернизации и современного общества был как раз принципиально связан с пониманием обществ как того “типа социальной системы, который характеризуется самым высоким уровнем самодостаточности по отношению к своему окружению, включая другие социальные системы” [Parsons, 1971]. Парсонс исходил из того, что основной инновативный и интегрирующий фактор общественных систем — это изменение ценностей, прежде всего в смысле их обобщения и сохранения ценностно-нормативных структур. Такая интерпретация общества и изменений общественных систем является ключом для понимания выводов из его анализа достижений и слабостей основных контрагентов в Холодной войне. Говоря о Восточной Европе, Парсонс учитывал достижения Советского Союза в быстрой индустриализации и в повышении образовательного уровня населения. Но он также идентифицировал центральную проблему восточноевропейского варианта модернизации, которая не достигла культурной легитимации политической организации. Парсонс однозначно определил проблему: “...мы предполагаем, что процесс демократической революции пока еще не достиг ситуации равновесия в Советском Союзе и что будущие изменения *могут* пойти в сторону развития западного типа демократического управления, с ответственностью на электорате, а не на самоназначенной партии” [Parsons, 1971: p. 127]. События в конце 1980-х годов показали, что прогностический эффект Парсонсова анализа восточноевропейского развития был довольно существенным.

В теоретическом плане Парсонс был успешным аналитиком и прогностиком, главным образом благодаря тому, что развивал и применял дифференцированное понятие общества. Структура этого понятия отвечала парсонсовскому разграничению четырех функций A-G-I-L, которые в его пони-

мании присущи каждой социальной системе. Его теория модернизации основывалась на представлении об обществе, формирующемся параллельно с развитием национального государства. Таким образом, в своих исследованиях модернизации он руководствовался *методологическим национализмом*, или точнее — *методологическим социетализмом*. Парсонс выдвинул категориальную схему (табл. 1), используемую в его анализе системы современных обществ (см.: [Parsons, 1971: p. 11]).

Таблица 1

Общество (социальная система)

Подсистемы	Структурные компоненты	Аспекты процессов развития	Первичные функции
Социетальная общность	Нормы	Включение	Интеграция
Сохранение образцов, или доверие	Ценности	Обобщение ценностей	Сохранение образцов
Сфера политики	Коллективы	Дифференциация	Достижение целей
Экономика	Роли	Повышение адаптивности	Адаптация

Смотря на категориальную модель Парсонса и на его методологический подход с точки зрения современных дискуссий о глобализации и региональном развитии, можно с удивлением отметить узость горизонта его теоретизирования. Парсонс только периферийно отметил наднациональные формы интеграции. Сама проблематика глобализации вообще отсутствовала в его теоретической схеме и в историческом анализе. Но не эти ограничения Парсонсова теоретизирования, а идеологические противопоставления подорвали его теоретическую позицию. Индивидуалистические и субъективистские теории стали модой в социологической теории и в эмпирических исследованиях в 1970–1980-х годах, однако оказались нерелевантными в исследовании назревающих глубоких общественных изменений в Восточной Европе. Из-за геополитической изолированности региона исследования, которые ставили развитие мировой системы в центр теоретизирования [Wallerstein, 1974–1989], также оказались нерелевантными в изучении глубоких изменений в регионе. Эту ситуацию можно интерпретировать как подтверждение той точки зрения, что социальные науки, в принципе, склонны к интеллектуальным перерывам и проявляют тенденцию сопротивляться кумулятивному категориальному развитию. Эта особенность социальных наук имеет свои последствия, особенно ощутимые в периоды быстрых и глубоких общественных изменений.

Категориальный вакуум и попытки его заполнить

В результате такого развития в конце 1980-х годов в социальных науках практически не было широко признанной и влиятельной концепции общества. Как раз в тот момент, когда систематическое описание и объяснение глубоких общественных изменений в целях рационального управления происходящими процессами стали требованием дня, в социальных науках намечился своеобразный категориальный вакуум. Модные понятия типа

социального структурирования оказались практически бесполезными. И не нашлось времени, чтобы осмыслить еще раз результаты прежних теоретических дискуссий. Никто даже не думал об использовании Парсонсовых категорий — Парсонс был идеологически дисквалифицирован как теоретик социальной интеграции, а не социальных изменений и социального развития. Не нашлось также времени для обстоятельных категориальных дебатов — социальное время ускорилося неимоверно.

В этих экстремальных условиях интеллектуальное пространство, где ощущался вакуум категорий, заняли политические лозунги. Везде в Восточной Европе был популярен лозунг “Назад к нормальности”, который повторяли даже серьезные интеллектуалы. Смысл призыва казался совершенно ясным. После многих отклонений восточноевропейского социализма от нормального социального развития казалось, что именно возвращение к “нормальности” было бы выходом из кризисного состояния. Но было ли такое возвращение к нормальности возможным и вообще желательным? За немногими исключениями, в восточноевропейских обществах до периода их социалистического развития доминировало сельское хозяйство и почти во всех правила диктаторские режимы. Кто же действительно хотел бы возвращения к такой “нормальности”? Но такое возвращение было и практически невозможно, так как в развитии восточноевропейских обществ после Второй мировой войны наступил радикальный *перерыв*. Чего можно было реалистически ожидать, так это *всестороннего адаптирования к качественно новым внутренним и международным условиям*. Не лозунги “назад к...”, а понятия, сфокусированные на “движении вперед” действительно были нужны. Так была расчищена почва для стремительного распространения понятия “транзиции”, или перехода, которое обещало заполнить категориальный вакуум.

Понятие перехода отражало реальный опыт демократизации южноевропейских и латиноамериканских обществ. Поэтому его смысл казался вполне очевидным. На вопрос “переход к чему?” можно было быстро и внятно ответить: к демократическим политическим институтам. Ввиду уникальной региональной ситуации можно было также убедительно добавить — и к рыночной экономике. Но даже первые дискуссии о необходимых конституционных изменениях в Восточной Европе показали, что эта очевидность обманчива. Восточноевропейцам пришлось быстро уяснить, что в мире есть много вариантов демократического политического устройства. Задача уже ставилась не в общем плане — о переходе к демократическому политическому порядку, а конкретно — о выборе между парламентской или президентской формой политического устройства, между пропорциональной или мажоритарной электоральной системой, между однопалатным или двухпалатным парламентом.

Цель “перехода к рыночной экономике” также оказалась нечеткой. Восточноевропейцы очень скоро узнали, что в мире есть не только либеральные рыночные институции, но и “социально-рыночные экономики”. Таким образом привлекательный, но довольно неопределенный лозунг “переход к демократии и рыночной экономике” пришлось быстро отставить в сторону и перейти к дискуссиям об институциональных решениях, которые бы лучше адаптировались к местным условиям. Таким образом, спустя несколько месяцев с начала радикальных перемен в восточноевропейском регионе пришла пора серьезно задуматься об объяснении происходящих сложных процессов и эффективном управлении ими. В этой ситуации познавательной неопреде-

ленности внимание привлекала дискуссия вокруг “дилеммы симультанности”. Эта дискуссия началась в рамках “транзитологии”, но получила собственную интеллектуальную инерцию. В первых и довольно радикальных вариантах теории “дилеммы симультанности” доказывали, что практически невозможно управлять рациональным образом одновременными изменениями во всех основных подсистемах общества. Только с высоты исторического опыта можно осознать всю бессмысленность этого тезиса и сопутствующих дискуссий. Симультанные перемены во всех основных подсистемах восточноевропейских обществ были не просто возможны, но и неизбежны, и ими надо было управлять. В более мягких вариантах дилеммы ударение ставилось просто на сложности этого управления. Но это было и так очевидно, так что обсуждение “дилеммы” само по себе не приносило никакой новой “добавленной стоимости”. Таким образом, интенсивная дискуссия по поводу “дилеммы симультанности” оказалась игрой интеллектуалов в бисер.

То же самое случилось и с другой интенсивной дискуссией о последовательности реформ в области политики, экономики и культуры. Влиятельные эксперты повторяли как заклинание, что реформы в области экономики надо начать либерализацией, следующим шагом должна быть экономическая стабилизация либерализованных макроэкономических институтов, и только после стабилизации придет пора приватизации. В действительности ускоренные процессы изменений во всех подсистемах восточноевропейских обществ вообще не позволяли реализовать эти нормативные представления. Под давлением быстро меняющихся внутренних и внешних обстоятельств политики были вынуждены проводить реформы экономических, политических и культурных институтов *одновременно*. Нигде в Восточной Европе нормативное видение “либерализация–стабилизация–приватизация” не было осуществлено на практике.

Что касается собственно приватизации, эксперты Мирового банка были совершенно единодушны: приватизация типа *big-bang* должна получить абсолютный приоритет (см.: [Sachs, 1993: p. 1–34]). Эволюционистские стратегии приватизации были бескомпромиссно отвергнуты, поскольку могли лишь затянуть и увеличить неизбежные потери эффективности, сопровождающие все экономические реформы, что в результате только увеличило бы человеческие страдания (см.: [Eslund, 2007: ch. 2]). Вспоминая прежние дискуссии, можно было только удивляться, как и почему эксперты-неолибералы из Мирового банка и Международного валютного фонда совершенно забыли о предупреждении либерала Карла Р. Поппера. Он аргументировал несостоятельность представлений и практик радикального целостного изменения обществ, так как им бы неизбежно сопутствовали массовые человеческие страдания. Поппер приводил аргументы в пользу рационально планируемых и проводимых изменений отдельных социальных ситуаций, осуществляемых шаг за шагом. Оказалось, что либерализм Дж. Сакса и его коллег ничего общего не имел с рационалистическими идеями попперовского либерализма. Еще парадоксальнее оказалось то, что неолиберальные эксперты Мирового банка рекомендовали радикальные изменения *тотальности* восточноевропейских обществ точно таким образом, как это представляли себе в отношении западноевропейских обществ Теодор Адорно и другие интеллектуалы Франкфуртской школы. Можно объяснять эти мутации либерального мышления по-разному. Кажется, однако, что самым реалисти-

ческим объяснением будет не теоретическое, а практическое. Если же взглянуть на те события в ретроспективе, то самым важным соображением приверженцев стратегии “большого взрыва” было опасение, что прежние политические лидеры могут использовать ресурсы централизованной экономики. Приверженцы реформ должны были, поэтому, действовать быстро и радикально, без оглядки на социальные последствия.

Таким образом, слабости интеллектуальных дискуссий в контексте перехода Восточной Европы к демократическим политическим институтам и к рыночной экономике обуславливались не только незрелостью социальных наук. На ход дискуссий влияли также политические и экономические интересы. Сказывалась также уникальная сложность протекающих процессов. Если рассматривать политические процессы в Восточной Европе непосредственно после 1989 года сами по себе, то они действительно были очень похожи на переход к демократическим политическим институтам в Южной Европе и в Латинской Америке [Linz, Stepan, 1996]. Но ни в одной из этих стран средства производства не были настолько обобществлены, как это произошло в Восточной Европе в процессе государственно-социалистического развития. Другие особенности трансформаций восточноевропейского экономического и политического порядка можно идентифицировать, используя категориальные пары, определяющие рациональность [Genov, 1991: p. 131–141].

В контексте соотношения *индивидуальной* и *коллективной рациональности* можно идентифицировать накапливающееся напряжение между потребностями возникающего общества знания и государственно-социалистическим способом распределения прав на инициативу и ответственность. Сама логика экономики и общества, базирующихся на знании, требовала все более активного участия индивидов в подготовке, принятии, осуществлении и оценке решений на каждом уровне управления экономическими, политическими и культурными процессами. Эта глобальная тенденция потенциально подкреплялась в Восточной Европе сравнительно высоким уровнем образованности населения. В полном противоречии с этой глобальной тенденцией управляющая элита в регионе придерживалась идеологии и практики иерархического управления экономикой, политикой и культурой. Лишение широких сегментов населения права реализовать свою экономическую и политическую инициативу и нести за это ответственность ставило под сомнение коллективную рациональность государственного социализма, которая базировалась на политической централизации и на государственной собственности на средства производства.

Государственная собственность легитимировалась как средство преодоления дисфункциональных последствий капиталистической конкуренции, которая воспроизводит отчуждение и экономические кризисы. Но чрезмерное вмешательство государства в экономику, подавляя механизмы рыночной конкуренции, порождало и воспроизводило иррациональность. Это де-дифференцирование экономики и политики было основной причиной замедленного технологического обновления в Восточной Европе. Недостаток стимулов ответственного и творческого труда было невозможно компенсировать идеологической индоктринацией, применением насилия или простой необходимостью зарабатывать на жизнь. Крайняя централизация экономической организации порождала и воспроизводила дефицит товаров и услуг. В свою очередь, этот дефицит воспроизводил организацион-

ные патологии в предприятиях и в национальной экономике, что проявлялось в уменьшении инвестиций на технологическое обновление производства. Пренебрежение индивидуальными интересами порождало в Восточной Европе повсеместную неудовлетворенность условиями труда и уровнем жизни [Kognai, 1992].

Эти и другие внутренние противоречия государственного социализма следовало преодолеть посредством радикального переструктурирования социальных институтов. Государственную монополию в экономике и политике надо было разрушить. Но хорошо продуманных и уже апробированных механизмов приватизации государственной собственности такого масштаба не было. Не было также свободного национального капитала для быстрого развития локального предпринимательства. Как раз наоборот, восточноевропейские экономики были обременены огромными иностранными кредитами. Отказываясь от протекционизма, восточноевропейские экономики и государства столкнулись с огромными затруднениями в переориентировании своих экономических связей на либерализованном мировом рынке. Внутри восточноевропейских обществ еще были сильные пережитки авторитаризма. Идеал не-нулевой политической игры трудно пробивал себе дорогу в политическую культуру и в политическую практику. Политическая победа все еще понималась как полный разгром оппонента. В таких условиях задача институциональных преобразований состояла не просто в том, чтобы внедрять рыночные механизмы в восточноевропейских национальных экономиках, но и в том, чтобы развивать политическую практику демократического регулирования хозяйствования. Эти глубокие институциональные реформы порождали и воспроизводили дисфункции государственного аппарата в условиях экономического и культурного кризиса. Такого рода нестабильные ситуации порождают политическую фрустрацию и играют на руку тем политическим силам, которые склонны пренебречь принципами демократии в пользу авторитарных методов правления.

Существенные культурные и политические проблемы были также связаны с соотношением *краткосрочной* и *долгосрочной рациональности*. Эти проблемы усугублялись быстрым переходом от замедленного социального времени государственного социализма к резкому ускорению социального времени радикальных реформ. В условиях государственного социализма внимание основных групп населения было сосредоточено на преодолении трудностей повседневной жизни. В резком контрасте с этой реальностью официальная пропаганда фокусировала внимание на светлом будущем. Но уже в 1970-х годах восточноевропейцы устали жить со столь глубокими расхождениями между реалиями повседневной жизни и обещаниями грядущего удовлетворения потребностей. Население Восточной Европы не хотело больше терпеть нехватку жилья, дефицит товаров и экологические катаклизмы. Долгосрочное централизованное регулирование экономики, очевидно, не было в состоянии решить эти проблемы. Но молодые поколения восточноевропейцев пока не знали из собственного опыта, что либеральный рынок принципиально близорук и принципиально не в состоянии сам сбалансировать себя. В результате в большинстве восточноевропейских стран начали править политические силы, которые утверждали значение рыночного порядка за счет долгосрочного стратегического регулирования экономики государством.

Эти проблемы обсуждались в дискуссиях, не лишенных реального теоретического смысла и практического значения. Но сама “транзитология” не развила собственное категориальное содержание, которое могло бы справиться со сложностями и противоречиями реальной жизни. Уровень теоретической познавательности дебатов о транзиции был и остается низким, и их возможности предложить систематические описания и объяснения протекающих радикальных изменений оказались довольно ограниченными. Вклад “транзитологии” в развитие социальных наук и в рациональное управление социальными процессами все чаще подвергался сомнению. Другие категориальные схемы требовались для ориентирования исследований и для разработки практических рекомендаций. Пришло время рекапитуляции и поиска более дифференцированных и интегрированных категориальных схем.

Возрождение понятия общества под нажимом социальных процессов

Проблемы, связанные с непродуктивным понятием транзиции, стимулировали поиск возможностей ре-активировать понятия общества и общественного развития. Сами социальные процессы требовали такого поворота. После скоротечной эйфории по поводу транзиции оказалось, что переход сам по себе не решает проблемы технологической и экономической отсталости восточноевропейских обществ. Вскоре стало очевидно, что дезадаптация к новым экономическим и политическим обстоятельствам в национальных масштабах приводит к еще большему отставанию некоторых восточноевропейских обществ. Действительно, конкурентная демократическая политика принесла не только свободы организаций и волеизъявления, но и много разочарований по поводу эффективности управления стратегическими переменами. Стало также ясно, что приватизация и сопутствующая коммерциализация всех сфер деятельности обесценили основные интегрирующие ценностно-нормативные механизмы. Безработица, обеднение и преступность препятствовали расширению возможностей самореализации десятков миллионов восточноевропейцев и ограничивали перспективы развития многочисленных социальных групп в регионе. На смену прежней иерархической системе правления пришли глубокие неравенства по доходу и собственности. Социальное время снова существенно замедлилось для многих маргинальных групп, что поставило под сомнение меритократические цели и последствия реформ и возродило культуру выживания день за днем.

Таким образом, цели и последствия перехода, которые казались столь ясными в начале реформ, потеряли и ясность, и привлекательность в условиях комплексной и противоречивой *трансформации* восточноевропейских обществ. Потребность в развитии и применении понятия *социальной трансформации* стала очевидной. Восточноевропейские реформы требовали новых категориальных решений и систематической эмпирической проверки новых понятий. Но аналитикам следует на этот раз быть осторожнее в выборе и использовании объяснительных категориальных моделей. У них уже есть опыт обращения к модным рассказам об этапах *культурной травмы*. Рассказ был интересен, но позволял не более чем беглые ссылки на динамику социальных структур. То же самое заключение можно сделать и на основе анализа попыток объяснить неудачи в экономическом и политическом развитии восточноевропейских обществ *цивилизационным дефицитом* знаний и организа-

ционных умений. Подобно представлениям о транзичии и “дилемме симультанности”, понятия культурной травмы и цивилизационного дефицита оказались неспособными стимулировать теоретически обоснованные попытки объяснить глубокие структурные и культурные изменения в восточноевропейских обществах. Но диагноз, согласно которому процессы развивались как-то в опровержение этих теорий [Merkel, 2007: S. 413–433], является отнюдь не полным. Ситуация была и сложнее, и, в определенном смысле, проще. Все эти дискурсы базировались на модных и преходящих категориальных схемах, а не на объясняющих теориях. Решение проблемы невозможно было найти и в упоре на необходимость междисциплинарного подхода к процессам, протекающим в Восточной Европе [Bonker, Muller, Pickel, 2002]. Нужны были категориальные инновации. Некоторые сдвиги в этом направлении стали возможны благодаря построению категориальных моделей, определяющих структурные изменения, как это было предпринято в трехмерной категориальной модели, развиваемой и используемой Т.Заславской [Заславская, 2003]. Хотя эта модель предполагала операционализацию и объяснительные подходы, она ограничивалась реформами российского общества. Необходимые сопоставления с другими обществами, переживающими сходные перемены, появлялись в анализе Заславской только в порядке исключения.

Основной причиной разнообразия категориальных моделей было разнообразие социетальных изменений в восточноевропейском регионе. Каждое общество в регионе осуществляло свои *специфические* изменения экономических, политических и культурных институтов. Но сравнительный анализ этих изменений всегда приводил к выводу, что эти специфические изменения все-таки имеют довольно много *общих характеристик* в начальных условиях реформ, в их протекании и результатах. Эти общие характеристики определяли *исторический тип постсоциалистических социетальных трансформаций*. Они осуществлялись в специфических вариантах под влиянием траекторий развития отдельных восточноевропейских обществ и специфики проектирования и осуществления отдельных реформ. Возникал вопрос: насколько возможно синтезировать общие характеристики этих процессов и развить обобщенную категориальную модель постсоциалистической трансформации? Казалось, что положительным ответом может быть конструирование и использование *sensitizing concepts*, которые позволили бы разнообразные *ad hoc* исторические объяснения. Но если исследовательская задача состоит в том, чтобы дать систематические описания и объяснения отдельных социетальных трансформаций в целях теоретического обобщения результатов, тогда конструирование и использование *sensitizing concepts* не будет идеальной стратегией. Методологический фокус на таких понятиях ставит под сомнение перспективу развития и применения обобщенных понятий с потенциалом систематического объяснения.

Что было действительно необходимо, так это развитие категориальной модели “вокруг” одного понятия, которое опиралось бы на онтологические основания и оставляло, в то же время, определенную конструктивную свободу. Такое центральное понятие должно способствовать преодолению традиционных дилемм социальных наук о соотношении индивидуального и коллективного действия, экономических, политических и культурных факторов социального развития, стабильности и изменения социальных структур. Попытки решить эту комплексную задачу неизбежно приводили к возрождению интереса к классическим категориальным моделям. Парсонсов-

ская модель общества (и в более широком плане, социальной системы) стала снова предметом исследовательского интереса. Но попытки проверить ее возможности операционализации, систематического описания и объяснения происходящих глубоких изменений в восточноевропейских обществах привели к отрезвляющим выводам. Теоретические конструкции Парсонса, которые казались столь многообещающими, не выдержали тщательной эмпирической проверки. Почему, например, понятие роли должно быть связано только или преимущественно с экономической подсистемой общества (см. табл. 1)? Роли всегда формируются и социализируются в контексте коллективных ожиданий. А в Парсонсовской схеме коллективы только или преимущественно связаны с политической подсистемой общества. Далее: коллективные ожидания основываются на ценностно-нормативные ориентации. Но в схеме Парсонса ценности и нормы относятся в структурном плане к подсистеме сохранения структурных образцов. Эти проблемы парсонсовского категориального аппарата сделали его практически неприменимым в описании и объяснении постсоциалистических трансформаций.

Другие понятия оказались более продуктивными в попытках решения этой задачи. Это относится в первую очередь к понятию *социального взаимодействия*, которое развивалось в абстрактно-теоретическом плане задолго до начала восточноевропейских трансформаций [Genov, 1989: p. 156–183]. Это понятие объединяет структурно и деятельностно ориентированные стратегии в развитии социологической теории и приводит к идее о взаимодействиях экологической, технологической, экономической, политической и культурной подсистем общества. Такую категориальную рамку следовало строить, исходя из основных структурных проблем, которые приходилось решать при осуществлении постсоциалистических трансформаций в контексте реальных задач, на которые направлена деятельность, и ее ожидаемых результатов.

Во-первых, в контексте восточноевропейских реформ в начале 1990-х годов самая неотложная задача касалась введения новых форм распределения и использования политической власти. В процессе реформ политические системы в восточноевропейских обществах развились и стабилизировались полиархические политические структуры [Dahl, 1988], качественно отличные от иерархических институтов государственного социализма. Это относится, в первую очередь, к введению функционирующей системы разделения властей и дифференцированной системы партийных репрезентаций политических интересов. Национальная политика восточноевропейских обществ также должна была приспособиться к динамике возникающей новой констелляции политических сил в международных отношениях.

Во-вторых, надо было ввести новые формы экономической организации. Перемены касались прежде всего собственности на средства производства, но также инвестиций, производства, распределения и торговли. Основным аспектом этого процесса было возрождение экономической инициативы и ответственности индивидов, а в более широком плане — адаптация национальных экономических систем к либерализованным мировым рынкам товаров, услуг, финансового обмена и — частично — труда.

В-третьих, изменение ценностно-нормативных систем восточноевропейских обществ проходило параллельно с изменениями экономических и политических институтов. Новая ценностная система складывалась вокруг двух идейных центров. Первый из них — это идея универсальных прав чело-

веческого индивида. Второй центр связан с понятием устойчивости во всех ее измерениях — технологическом, экономическом, политическом и культурном.

В-четвертых, в соответствии с этими глубокими изменениями в политике, экономике и культуре производственная инфраструктура также должна была адаптироваться к новой ситуации на долгий период. Основное содержание данного процесса состояло в развитии технологических цепей, которые обеспечивали бы более эффективное участие восточноевропейских хозяйств в международном разделении труда.

В-пятых, экологические ограничения технологического и экономического роста были уже известны [Meadows, Randers, Meadows, 2004]. Но последовательное решение экологических проблем стало принципиально возможным в Восточной Европе именно в контексте целостных изменений общественных систем. Эти изменения открыли, с одной стороны, доступ к экологически эффективным технологиям, рыночному калькулированию используемых природных ресурсов и потенциальных экологических последствий, а с другой — возможность демократического контроля над воздействием технологического и экономического развития на окружающую среду.

Взаимосвязанные решения этих задач осуществлялись на национальном уровне не без влияния глобальных и региональных процессов (схема 1).

Схема 1. Структурные измерения социетальных трансформаций в Восточной Европе

Следующий шаг в развитии категориального аппарата охватывает *деятельностные параметры* восточноевропейских социетальных трансформаций. Основные аналитические понятия касаются индивидуальных и коллективных *акторов*, их *отношений* и *социальных процессов*, в которые они вовлечены. Частные предприниматели, демократично избранные и ответственные политики и представители государственной администрации, ассоциации гражданского общества формировали группы новых акторов в

восточноевропейских обществах. Проблемы в этом направлении аналитической дифференциации сосредоточены на согласовании интересов индивидуальных и коллективных, национальных и транснациональных акторов. Речь идет о формировании и воспроизводстве общественных отношений, основной характеристикой которых является переход от доминирования политической власти к доминированию экономических отношений, а также переход от социальных отношений иерархического типа к отношениям ассоциативного типа. Появление новых акторов с их отношениями — это исторический процесс, связанный с развитием новых ожиданий, решений, действий и результатов. Некоторые из них имеют кратковременные параметры, другие более продолжительные. Отдельные процессы в рамках трансформаций имеют только локальное, а другие даже глобальное значение. Эту аналитическую дифференциацию задач и эффектов деятельности можно представить схематично (схема 2).

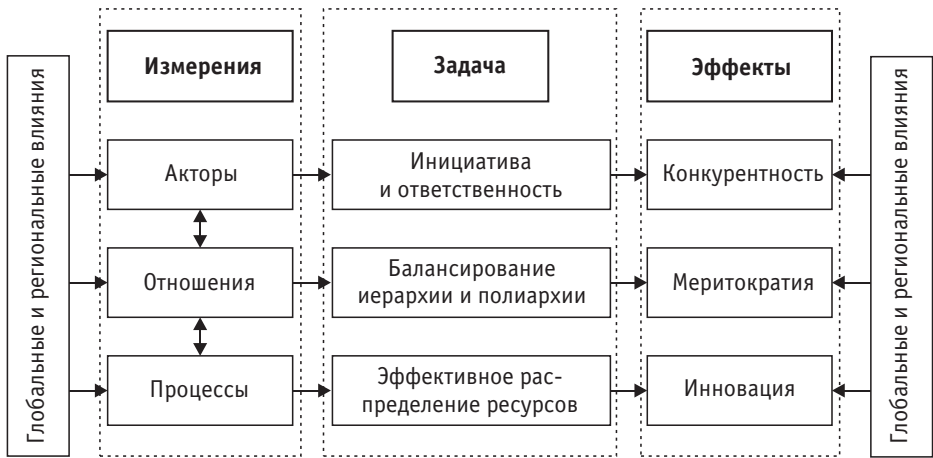

Схема 2. Деятельностные измерения социетальной трансформации

Это многомерное понятие восточноевропейской социетальной трансформации задумано для теоретического воспроизведения сложности происходящих процессов в регионе с учетом неизбежных неопределенностей процессов и рисков трансформаций. Понятие не основывалось на допущениях о линейности процессов или о predetermined успешном результате трансформаций. Как раз наоборот, основное допущение этого категориального развития касалось возможности как успехов, так и неудач в социетальных трансформациях. Нет сомнения, что некоторые группы, организации и государства в Восточной Европе сумели успешно приспособиться к новым условиям, когда другие потерпели неудачи. Одни социетальные трансформации принесли эволюционные достижения, тогда как другие принесли только скромные или отрезвляющие результаты. Эти существенные различия в результатах постсоциалистических трансформаций объясняются прежде всего разницей в качестве управления ими. Имея в виду уровень организационного и культурного развития восточноевропейских обществ накануне постсоциалистических трансформаций, можно было допустить, что они будут осуществляться в параметрах контролируемых социальных инноваций. Процессы в Восточной Германии, Чешской Респуб-

лике и Словении в основном подтвердили это. Однако в большинстве восточноевропейских стран процессы не всегда происходили под рациональным контролем или же контролировались неэффективно. Отклонения от идеала контролируемой социетальной трансформации иногда обосновывались предпосылкой об автоматическом саморегулировании рыночных процессов. Ограниченность такого предположения стала очевидной вследствие неудач отдельных восточноевропейских социетальных трансформаций, а также после глобального экономического кризиса 2008 года.

Представления о структурных и деятельностных измерениях социетальных трансформаций разрабатывались и применялись в контексте сравнительных исследований в регионе Восточной Европы [Genov, 2000: р. 21–40]. Эти понятия позволили осуществить систематическую операционализацию и на этой же основе — систематическое описание и объяснение сходства и различий социетальных трансформаций в регионе. Само по себе это было шагом вперед по сравнению с категориальными схемами Парсонса. Кроме того, теоретические рамки его работы ограничивались структурой и способом функционирования отдельных социетальных систем и практически пренебрегали их адаптацией к внешним влияниям. А ускоренная глобализация 1990-х годов выдвинула в качестве императива необходимость все более четкого учета такого влияния. Эта задача эксплицитно присутствует в понятиях структурных и деятельностных характеристик социетальных трансформаций, что также является шагом вперед по сравнению с теоретической моделью Парсонса.

Было ли такого категориального развития достаточно для успешного исследования восточноевропейских социетальных трансформаций? Сомнения накапливались по мере проведения сравнительных исследований в регионе. Постепенно выяснилось, что доминирующий исследовательский интерес к особенностям в изменении социетальной структуры и в способе функционирования отдельных обществ фактически подкрепляли традиционные приоритеты методологического социетализма. Ограничения его становились все более очевидными в контексте расширяющегося участия обществ восточноевропейского региона в региональных и глобальных процессах. Так как эти процессы все сильнее влияли на направление и содержание изменений в отдельных восточноевропейских обществах, ударение на исследовании структуры и функционирования обществ, поначалу весьма продуктивное для социально-научных исследований, постепенно оборачивалось их слабостью. Парадигмальное изменение понятия социетальных изменений стало неотъемлемым требованием исследовательской работы.

Парадигмальное ориентирование исследований на глобальные факторы социетальных изменений

В результате интенсивных исследований было установлено, что дифференциация траекторий восточноевропейских трансформаций определялась тремя основными факторами. *Во-первых*, дивергенции в постсоциалистических трансформациях порождались различиями унаследованных технологических, экономических, политических и культурных структур. В отдельных случаях причины этих различий можно было обнаружить далеко в истории. *Во-вторых*, другим существенным фактором дивергенций в постсоциалистических трансформациях был характер решений, которые при-

нимались и осуществлялись уже в процессе трансформации. *В-третьих*, особенности отдельных социетальных трансформаций в регионе определялись также воздействием таких внешних факторов, как европейская региональная интеграция и глобализация. В начале восточноевропейских трансформаций можно было формулировать только гипотезу о нарастающем влиянии внешних факторов. Со временем становилось все более ясно, что влияние региональных процессов европейской интеграции и особенно глобализация технологий, рынков, политических зависимостей и культур быстро превращались в основной фактор, определяющий содержание, скорость и результаты конкретных социетальных трансформаций. Глобальный финансовый и экономический кризис 2008–2009 годов дал нам все аргументы, необходимые для верификации этой гипотезы. Мировая рецессия действительно по-разному сказалась на отдельных восточноевропейских обществах, но она оказала негативное воздействие на всех (табл. 2).

Исходя из этого нового опыта, можно утверждать, что понятия структурных и деятельностных параметров социетальной трансформации являются самым развитым категориальным средством для изучения структуры и динамики современных обществ, главным образом в силу органичной связи теоретической модели с модерными национальными государствами. Но эта связь является также ограничением понятия социетальной трансформации, поскольку основные движущие силы развития обществ *в нарастающей степени концентрируются в супранациональной глобализации*. Общества вынуждены адаптироваться к последствиям глобального технологического разделения труда, конкуренции на мировых рынках, глобальной политической нестабильности и глобальных культурных различий. *Методологический социетализм* основывается на понятии социетальной трансформации и открывает возможность только регистрировать воздействие глобальных процессов на социетальные изменения. *Методологический глобализм* открывает, кроме того, возможность категориального воспроизведения оснований, содержания и эффектов этих воздействий.

Как осуществить такой методологический переход от доминирования методологического социетализма к передаче ведущей роли методологическому глобализму? Сама глобализация — чрезвычайно сложный, чреватый неопределенностями процесс. Чтобы редуцировать комплексности глобальных процессов, можно обратиться к основному содержанию их в нашей современности. Глобализация осуществляется посредством нарастающего объема переработки вещества и использования энергии, а также нарастающей интенсивности восприятия, сохранения, переработки и использования информации. Только на первый взгляд основным актором в этих процессах является человеческий индивид. В действительности основные акторы в переработке вещества, использовании энергии и в информационных процессах в современных обществах — это экономические, политические и культурные организации. Их активность и эффективность зависят прежде всего от информационных процессов. Организации нуждаются в интенсификации информационных процессов, укрепляющей когнитивные основания организационных решений и действий и способствующей повышению их организационной эффективности в конкурентной среде. Таким образом, организации нуждаются во все более интенсивной переработке и использовании информации, чтобы рационализировать свои организационные ориента-

ции, решения и практическую реализацию этих решений. Это — мощный глобальный тренд, который с некоторой условностью можно определить как *повышение организационной рациональности*. Эта тенденция влияет на все уровни социального взаимодействия — от интеракций лицом к лицу до взаимодействия на уровне предприятий и мировых рынков. Этот глобальный тренд сегодня задает изменения национальных политических организаций, региональных интеграционных структур (Европейский Союз, НАФТА, АСЕАН, МЕРКОСУР) и глобальных организаций типа ООН. Основными механизмами повышения организационной рациональности являются дифференциация и интеграция организационных структур и функций.

Таблица 2

Рост реального валового продукта (GDP) и рост внешней задолженности восточноевропейских стран в 2009 году

Страна	Годовой рост GDP (%)*	Рост внешней задолженности (2008Q4/2009Q4, USD млрд)**
Албания	0,4	—
Армения	-7,4	1,830
Беларусь	-5,2	6,866
Болгария	-7,4	3,821
Босния и Герцеговина	-5,3	—
Венгрия	-4,7	6,616
Грузия	-2,8	—
Эстония	-9,1	-1,773
Латвия	-11,7	-0,348
Литва	-19,0	0,669
Македония	-1,5	—
Молдова	-8,3	0,263
Черногория	-5,1	—
Польша	1,6	36,051
Румыния	-6,3	16,666
Российская Федерация	-4,7	-7,810
Сербия	-3,7	—
Словакия	-6,9	13,327
Словения	-4,4	3,177
Украина	-4,4	2,314
Хорватия	-3,9	8,727
Чехия	—	3,461

* EBRD statistics <http://www.ebrd.com/country/sector/econo/stats/growth.pdf> (05.05.2010).

** The World Bank Statistics Table C1 — Gross External Debt Position <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/DATASTATISTICS/EXTDECQEDS/0,,contentMDK:20721050~menuPK:4704712~pagePK:64168445~piPK:64168309~theSitePK:1805415,00.html> (10.05.2010).

Эффективного дифференцирования и интегрирования организационных структур и функций на определенное время можно достичь, используя иерархические способы управления и контролирования. Но богатый организационный опыт подсказывает, что в долгосрочной перспективе более продуктивным будет другой подход, который ставит в центр инициативу и ответственность индивидов. Механизм достижения желаемого результата при таком подходе имеет два аспекта: *во-первых*, он включает дифференцирование и расширение ниш, в которых индивид может автономно ориентироваться, принимать решения и действовать; *во-вторых*, ударение ставится также на параллельном повышении познавательных возможностей и практических умений индивидов, позволяющих рационально ориентироваться, принимать и выполнять решения. Основной способ достижения этого результата — это массовое образование. Эти два способа мобилизации индивидов для повышения рациональности современных организаций являются основными параметрами глобального тренда *индивидуализации*, которая в своих проявлениях есть благо для миллионов, так как индивидуализация воплощается в расширении прав и свобод человеческого индивида.

Имея в виду Веберову интерпретацию появления и развития капиталистического (или современного, индустриального) общества, можно обобщить его вывод о том, что индивиды переориентируют свои ценностные системы от религиозной трансцендентности спасения души к достижению практических результатов, которые, как правило, во все большей степени измеряются коммерческим (денежным) эффектом. В нормальных (непатологических) ситуациях деньги являются только средством (инструментом) для достижения других целей. Талкотт Парсонс, развивая эти идеи Вебера, пришел к выводу, что коммерциализация деятельности ориентируется инструментальным активизмом. В обобщенной форме этот вывод сводится к выявлению *распространения инструментального активизма* как глобального тренда, который касается ориентаций, действий и структурных эффектов на всех уровнях социального взаимодействия в современных обществах. Основной механизм этого процесса — развитие производств и форм обслуживания, которые обеспечивают интенсивное аккумулятивное накопление капитала. В таком контексте достижения и неудачи любой деятельности измеряются универсальными денежными критериями. Они позволяют сравнимость деятельности и, таким образом, являются основным мобилизирующим фактором в современных обществах. Коммерциализация деятельности является также наиболее эффективным механизмом адекватного вознаграждения достижений и наказания за неудачи.

Взаимное влияние глобальных трендов повышения рациональности организаций, индивидуализации и распространения инструментального активизма стимулирует другой глобальный тренд — *универсализацию ценностно-нормативных структур*. Значение этого глобального тренда определяется двумя моментами, которые нередко интерпретируются как каркас новой гражданской религии развитых обществ. *Во-первых*, это идея универсальных прав человека. *Во-вторых*, это идея экономической, политической, культурной и экологической устойчивости. В свою очередь, распространение и познавательное, моральное и институциональное утверждение идей и практик универсальных прав человека и устойчивого развития обеспечива-

ют культурную легитимацию трех других обсуждаемых глобальных трендов [Genov, 1977: p. 409–428].

Предлагаемая переориентация от методологического социализма к методологическому глобализму может опираться на понятия очерченных четырех глобальных трендов. В данном историческом контексте эта методологическая переориентация приобретает реальный смысл на основе допущения, что постсоциалистические трансформации в Восточной Европе могут быть наилучшим образом описаны и объяснены как адаптация восточноевропейских обществ к этим глобальным трендам [Genov, 2007: p. 267–286].

Противоречивые глобальные тренды в Восточной Европе

Каждый из четырех глобальных трендов имеет многообразные проявления, которые могут взаимно стимулировать или ограничивать друг друга. Каждый из трендов влияет на другие тренды и претерпевает их влияние, порождая, таким образом, взаимное стимулирование или взаимные препятствия в их проявлении. Фундаментальные изменения в восточноевропейских обществах предоставляют превосходные условия для исследования этих противоречивых тенденций. Глобальный тренд *повышения рациональности организаций* проявил себя в огромном множестве конструктивных изменений в экономических, политических и культурных организациях в бывшем европейском Втором мире. Но параллельно с этими конструктивными изменениями тренд также проявился в многочисленных организационных патологиях. Они сопутствовали и сопутствуют реформам всех подсистем общества и сфер деятельности.

Предельное обобществление средств производства на основе государственной собственности предстояло преодолеть путем приватизации. Это была самая важная предпосылка восстановления рыночных механизмов. Но оказалось, что формирование социальной группы частных предпринимателей не обошлось без существенных отклонений от базисной экономической рациональности. Она требует прежде всего постоянного обновления производственных фондов. Но благодаря реституции собственниками стали люди, лишённые какой бы то ни было заинтересованности в экономическом развитии предприятий. Такие собственники хотели только получать дивиденды — как можно больше и как можно скорее. Это паразитическое стремление к быстрому обогащению без всяких обязательств касательно экономического развития не ограничивалось группой новых собственников, получивших собственность посредством реституции. То же самое можно сказать и о многих других, которые приобрели предприятия законным или не совсем законным путем. Наряду с нарушением технологических связей и традиционных связей спроса и предложения такое стремление к быстрому обогащению без обновления производства стало одной из основных причин рецессии в восточноевропейских странах.

Политическая трансформация в регионе проявилась в многих вариантах повышения рациональности политических организаций. Основным достижением в этом отношении была децентрализация принятия решений и контроля осуществления этих решений. Основная форма политических инноваций — разделение властей и формирование многопартийной политической системы. Таким образом, политическая инициатива и ответствен-

ность утвердились в конкурентной среде, создающей возможности для непрерывного политического обновления. Региональные и локальные органы государственной администрации получили реальную автономию. Но экономические возможности этих органов управления оказались сильно ограниченными. Во многих случаях это привело к массовому разочарованию, которое ставило под сомнение весь смысл административной децентрализации. В более широком плане неolibеральные требования радикального отделения государства от экономических процессов углубили экономическую рецессию. Негативное влияние на экономику и политику оказывала и конфронтация между исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти. Конкуренция между новыми политическими партиями и движениями также часто имела дезорганизующие последствия. Эта тенденция проявлялась особенно ощутимо там, где на политику сильно влияли этнические или религиозные факторы. Кроме того, новые политические элиты постепенно отчуждались от базисной демократической инициативы.

Глобальный тренд *индивидуализации* был одним из основных факторов становления и развития восточноевропейских социетальных трансформаций. Проявление можно было обнаружить в формировании нового слоя предпринимателей, демократично избранных политиков, активных журналистов и во всех других сферах деятельности. Если бы не возрастание роли индивидуальных ориентаций, решений и действий, достижения в экономических, политических и культурных реформах не были бы возможны. Но наряду с множеством конструктивных последствий индивидуализации этот тренд проявлялся и проявляется также во многих острых противоречиях и в деструктивных процессах.

Самое же глубокое противоречие в реформах восточноевропейских обществ состоит в стремительной индивидуализации в условиях нивелирования общего блага и разрушения социальной солидарности. Очевидным проявлением этого противоречия является быстрый рост преступности в регионе после 1990 года. По существу, преступность — это стремление индивидов и групп расширить социальное пространство своих автономных решений и действий с нарушением правовых и моральных рамок социальной солидарности. Волна преступности захлестнула Восточную Европу как раз тогда, когда все государственные институты были ослаблены протекающими реформами. Приватизация государственной собственности оказалась особенно благоприятной средой для радикальной индивидуализации, воплощенной в преступных действиях. Низкая эффективность государственного контроля и неразвитость гражданского общества сделали возможным индивидуальное процветание в восточноевропейском регионе. Коррупционные практики приобрели особые нюансы, локальные представители иностранных экономических и политических интересов стали пренебрегать интересами.

Законная и особенно незаконная передача общественной собственности в руки частных собственников отчуждала широкие группы населения в Восточной Европе от экономических реформ. Массовый энтузиазм в ожидании быстрого подъема уровня жизни развеялся, когда стали очевидны тенденции стагнации или снижения уровня жизни миллионов в результате стремительной экономической дифференциации восточноевропейских обществ. Криминальная активность стала в этих условиях компенсаторным механизмом преодоления разрыва между ожиданиями индивидуального

успеха и свертыванием легальных возможностей реализовать эти ожидания. Для миллионов восточноевропейцев, которые не пошли в сторону криминальной активности, углубляющийся разрыв между aspirationами и личными ресурсами существенно уменьшил возможности индивидуализации. Разочарования, порожденные этими обстоятельствами, привели к политической апатии и к отказу от участия в таких традиционных формах массовой солидарности, как профессиональные союзы. Неприязненное отношение новых собственников к профсоюзам также способствовало этому распаду организованных форм социальной солидарности.

Распространение инструментального активизма проявлялось в восстановлении действия эволюционных универсалий рыночной конкуренции и обмена, сильно ограниченных в условиях государственного социализма. Не ставя под сомнение необходимость рыночных реформ и их предполагаемых конструктивных последствий, монетаризация и коммерциализация хозяйственной и всех других сфер деятельности породили и широкий спектр деструктивных эффектов. Конкуренция — мощный фактор развития. Но вследствие плохо организованной и неэффективно контролируемой конкуренции основная часть населения Восточной Европы ощутимо проиграла в экономическом статусе и престиже. Нарастание величин коэффициента Gini четко документирует результаты экономического дифференцирования. Кроме того, перемещение индивидуального и общественного внимания на быстрое повышение коммерческих результатов радикально ограничило временной горизонт решений и действий в Восточной Европе. Вся деятельность сосредоточилась на краткосрочных коммерческих результатах за счет долгосрочно ориентированных моральных, эстетических и т. п. ценностей.

После десятилетнего доминирования партикуляристской классовой идеологии и политики в условиях холодной войны *универсализация ценностно-нормативных систем* была необходима для цивилизационного развития Восточной Европы. Новая трансценденция универсальных прав человека и устойчивого развития развивалась параллельно с новыми условиями глобальной коммуникации. Эти существенные ценностно-нормативные изменения получили правовую регламентацию в демократических конституциях. Казалось, что конфликтной истории региона пришел конец и мир во всем мире уже достигнут благодаря либеральным открытым рынкам и демократическим формам правления. Такое оптимистическое видение, воплощенное Фрэнсисом Фукуямой в констатации конца конфликтной истории человечества, было очень популярно среди восточноевропейских интеллектуалов в начале 1990-х годов. Но процессы в регионе и в мире развивались по-другому, опровергая содержание и смысл идей Фукуямы. Очень скоро стало ясно, что этнические и религиозные размежевания и противостояния не демонстрируют никакой тенденции к исчезновению в Восточной Европе. Как раз наоборот, многими жертвами обернулись конфронтации в Боснии и Герцеговине — и не только там. В целом новые экономические и политические разделения не способствовали универсализации ценностно-нормативных систем. Например, они порождали и воспроизводили партикуляризм в культурных ориентациях и в политических действиях в регионе.

Новые ценностно-нормативные расколы и противостояния подрывали эффективность повышения рациональности экономических и политичес-

ких организаций и стимулировали организационные патологии. А организационные патологии препятствовали конструктивному осуществлению индивидуализации, стимулируя отклонения от правовых и моральных норм. Деструктивная индивидуализация усиливала и усиливает негативные эффекты распространения инструментального активизма и подрывает ценностно-нормативную универсализацию в Восточной Европе и в мире (см.: [Genov, 2007; Eliaeson, Georgieva, 2010]).

Заключительные замечания

Учитывая противоречивый характер глобальных трендов и их взаимодействий, нет ничего удивительного в том, что адаптация восточноевропейских обществ к глобальным трендам произошла и происходит противоречивым образом. Это очевидно и в оценках восточноевропейцев в отношении трансформаций их обществ. Несмотря на достижения в трансформациях, значительные группы населения восточноевропейских стран рассматривают переход к рыночному хозяйству как неудачу. Двадцать лет спустя с начала трансформации 72% опрошенных в репрезентативном исследовании венгров, 62% украинцев и 48% словаков утверждали, что экономическое положение большей части их сограждан в среднем в 2009 году стало хуже, чем в годы, предшествовавшие рыночным реформам [Two Decades, 2009: p. 40]. Как бы ни интерпретировали “экономическую ситуацию” и “большую часть” сограждан, эти данные следует рассматривать как серьезный сигнал проблематичности трансформаций в этих странах. Нет сомнения, что воспоминания о повседневной экономической стабильности и о системе социального обеспечения в условиях государственного социализма питают определенные ностальгические настроения. Но основные причины неудовлетворенности связаны прежде всего с проблемами экономической ситуации в экономике региона. Восточноевропейцы были активно вовлечены в процессы массового обеднения и ослабления моральных механизмов социальной интеграции их обществ. Поэтому не надо удивляться, что они довольно критичны по отношению ситуации. Даже в Чешской Республике 72% опрошенных говорят о коррупции как серьезной национальной проблеме. Это мнение разделяют 76% опрошенных болгар и 78% опрошенных литовцев [Two Decades, 2009: p. 76].

Социальные науки в состоянии предложить свои объяснения причин этой критической ситуации как следствия патологических процессов в экономике, политике и культуре восточноевропейских обществ. Эти объяснения особенно нужны для оптимизации управленческих процессов. Важно раскрыть механизмы организационных и культурных патологий с целью управления взаимодействиями микро- и макросоциальных процессов. Для достижения этой цели нужно сочетание исследовательских методов, использующих “телескоп” макросоциального анализа и “микроскоп” микро-социальных процессов.

Категориальное развитие в рамках изучения социально-экономических процессов предполагает применение междисциплинарных подходов, взаимосвязи разных теоретических парадигм и взаимного обогащения теоретических и эмпирических исследований. Внимание к причинам и последствиям глобализации принесло в этом контексте существенные категориальные

инновации, так как глобализация осуществляется во взаимодействии разнообразных акторов с разными траекториями развития и разными логиками участия в социальных взаимодействиях. Ввиду этого разнообразия традиционные телеологические интерпретации социального развития как прогрессирующего улучшения либо ухудшения социальных отношений и процессов уступает место нейтральным определениям. Теперь важно интерпретировать социальное развитие как улучшение адаптивности социетальных систем к их окружению *или* как упадок и распад их системных структур и функций.

Другая категориальная проблема связана с определением самого понятия общества. Исследования глобализации, регионализации и “глокализации” раскрыли исключительное разнообразие микросоциальных и макросоциальных процессов. В результате кросснациональных и кросскультурных сравнительных исследований обогатились возможности систематических описаний и объяснений социальных процессов. Эти категориальные и методологические инновации стали возможными в условиях постоянного соотношения разнообразных процессов с относительной интегрированностью социетальных систем. В этом познавательном контексте Парсонсово определение общества через самодостаточность обнаруживает свою ограниченность. Следует развивать это понятие в направлении относительной интегрированности социетальных систем в их адаптации к динамике глобальных процессов.

Способны ли социальные науки успешно справляться с этими проблемами социального и познавательного развития? Ответ на этот вопрос зависит от результатов анализа конвергенций и дивергенций в развитии современных обществ. Успехи и неудачи в адаптации восточноевропейских обществ к глобальным трендам создали прекрасные условия для апробации гипотез, связанных с этой фундаментальной тематикой. Дискуссию о четырех глобальных трендах и их противоречивом проявлении в Восточной Европе надо рассматривать как опыт развития и проверки гипотез по поводу важнейших вопросов современных социальных наук.

Источники

- Заславская Т.И. (2003) Социетальная трансформация российского общества. – М.: Дело.
- Genov N. (2010) *Global Trends in Eastern Europe*. – Farnham, UK, and Burlington, USA: Ashgate.
- Genov N. (1999) *Managing Transformations in Eastern Europe*. – Paris: UNESCO/MOST.
- Adorno Th.W. (1969) ‚Zur Logik der Sozialwissenschaften‘. In: Adorno, Th. W. u. a. *Der Positivismusstreit in der deutschen Soziologie*. – Darmstadt und Neuwied: Luchterhand, S.126.
- Popper K.R. (1969) ‚Die Logik der Sozialwissenschaften‘. In: Adorno, Th. W. u. a. *Der Positivismusstreit...*, S. 120.
- Adorno Th.W. (1966) *Negative Dialektik*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Popper K.R. (1966) *The Open Society and Its Enemies*. – London: Routledge&Kegan Paul, 5 rev. ed.
- Parsons T. (1971) *The System of Modern Societies*. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

Wallerstein I. (1974–1989) *The Modern World System*. — New York: Academic Press, Vol. I–III.

Sachs J. (1993) *Poland's Jump to the Market Economy*. — Cambridge, Mass.: MIT Press, pp. 1–34.

Eslund A. (2007) *How Capitalism Was Built*. — Cambridge and New York: Cambridge University Press, Ch.2.

Linz J.J., Stepan A.C. (1996) *Problems of Democratic Transition and Consolidation*. — Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Genov N. (1991) 'The Transition to Democracy in Eastern Europe: Trends and Paradoxes of Social Rationalization'. *International Social Science Journal*, No 128, pp.131–141.

Kornai J. (1992) *The Socialist System: The Political Economy of Communism*. — Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Merkel W. (2007) 'Gegen alle Theorie? Die Konsolidierung der Demokratie in Ostmitteleuropa'. *Politische Vierteljahresschrift*, 49 Jg., Heft 3, S. 413–433.

Bönker F., Müller K., Pickel A. (2002) *Postcommunist Transformation and the Social Sciences. Cross-Disciplinary Approaches*. — Lanham etc.: Rowman & Littlefield.

Genov N. (1989) 'A Strategy for Developing General Sociological Theory'. *International Review of Sociology*, No 2, pp. 156–183.

Dahl R. (1998) *On Democracy*. — New Haven: Yale University Press.

Meadows D., Randers J., Meadows D. (2004) *The Limits to Growth*. — White River Junction, Vt: Chelsea Green Publishing Company.

Genov N. (2000) 'Central and Eastern Europe: Challenges of Continuing Transformation'. In: Genov, Nikolai. Ed. *Continuing Transformation in Eastern Europe*. — Berlin, pp. 21–40.

Genov N. (1997) 'Four Global Trends: Rise and Limitations'. *International Sociology*, Vol. 12, N 4, pp. 409–428.

Genov N. (2007) 'Gesellschaftliche Transformation als Öffnung zu globalen Trends'. In: Genov, Nikolai and Reinhard Kreckel. Eds. *Soziologische Zeitgeschichte*. — Berlin: Sigma, pp. 267–286.

Genov N. (2007) 'Gesellschaftliche Transformation as Öffnung zu globalen Trends'. In: Genov, Nikolai and Reinhard Kreckel. Eds. *Soziologische Zeitgeschichte*. — Berlin: Sigma, pp. 267–286.

Eliason S., Georgieva N. (2010) *New Europe: Growth to Limits?* — Oxford: Bardwell Press.

Two Decades After the Wall's Fall. — Washington (D.C.): Pew Research Center, 2009 – P. 40.